

УДК 159.923:81'27

ТИПОЛОГИЯ АКТОВ ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ

А.А. Романов, А.П. Костяев

Тверской государственной университет, г. Тверь

Представлено типовое взаимодействие участников профессиональной коммуникации по реализации деструктивных агрессивных практик. Выделены три основные базовые модели конфликтного взаимодействия: модель конструктивного конфликтного взаимодействия, модель деструктивного агрессивного воздействия и модель деструктивного инвектогенного воздействия.

***Ключевые слова:** аффект, аффицированное действие, вербальная агрессия, вербальный конфликт, деструктивный речевой акт, инвектия, мотивированность, намеренность, семантика, эмоция, эмотив.*

Коммуникативная значимость маркированности агрессивных речевых действий и прагматическая специфика их функционально-семантического пространства не только включает в себя семантические параметры концептосферы агрессивного поведения говорящего субъекта в профессиональной сфере, но и затрагивает определенные сведения *о самом агенте* (кто говорит и в какой роли), *о его партнере* (кому говорят и в какой он роли, настроении, статусе), *о порядке обмена* речевыми действиями и *о речевой ситуации* (когда говорят, зачем говорят, с какой целью и каким назначением говорят именно то, что говорят, и самое главное – где говорят, т. е. в какой момент и в каком месте – на улице, дома или в профессиональной сфере взаимодействия). Особую роль коммуникативной значимости речевых действий проявляется при использовании деструктивных агрессивных действий.

Формируя свою коммуникативную направленность (т. е. интенциональность как когнитивное свойство, способное познавать и направленное на необходимость познания и волю к познанию) речевого воздействия в конкретной вербальной форме (конструкции), говорящий субъект стремится учитывать конкретного адресата как «информационный объект» [3, с. 69] для того, чтобы тот мог понять коммуникативную сущность направленных на него действий и ответить на нее соответствующей, по разумению адресата, реакцией. При этом требование быть субъектом (субъективности) «приводит к необходимости рассматривать любой мир с точки зрения его когнитивных возможностей и делать это “глазами” субъекта данного мира» [там же, с. 70], ибо если нечто происходит, то обязательно

найдется субъект, которому принадлежит эта активность с обязательным наличием внутренней мотивации к деятельности, причем причины ее не могут быть установлены только внешним образом.

Выражая коммуникативную интенцию (намеренная направленность на познание объекта, т. е. адресата), говорящий субъект обязан учитывать в «согласованном» [5], профессиональном взаимодействии «оценочное восприятие слушателя» [2, с. 69], потому что в действительной реальности обыденного ритуального общения проявляется не «абстрактная система языковых форм и не изолированное монологическое высказывание и не психофизиологический акт его существования, а социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемое высказыванием и высказываниями» [там же, с. 96–97]. В этом социальном бытии взаимодействия важно учитывать, что «в речи человека отражается его социально-иерархический статус (ранг: “начальник–подчиненный”, “учитель–ученик”, “сильный–слабый”, “независимый–зависимый”) по отношению к слушателю» [4, с. 33].

Более того, экспериментальные исследования показали, что в речи человека хорошо различаются (как лингвистически, так и невербально) такие важные психологические черты личности, как *чувство собственного достоинства* и *чувство превосходства* (подробнее см.: [4; 5]). При этом было установлено, что если чувство достоинства оценивается слушателями как весьма положительное свойство говорящего (даже более высоко, чем, например, доброжелательность), то *чувство превосходства*, наоборот, чаще всего как *негативное качество* [4, с. 34]. Кроме того, было выявлено, что «и чувство достоинства, и чувство превосходства основаны на высокой самооценке личности, что, в целом, может и не вызывать негативной реакции, если, разумеется, самооценка говорящего в глазах собеседника не слишком завышена (самоумнение)» [там же, с. 34].

Однако при этом отмечается, что «чувства достоинства и превосходства различаются по критерию отношения к другому, т. е. к партнеру по общению: если чувство собственного достоинства сочетается с уважительным отношением к другому, то чувство превосходства – с занижением, недооценкой личностных качеств коммуниканта, пренебрежительным к нему отношением (высокомерная снисходительность и т. п.)» [там же, с. 34]. Естественно, что для любого человека, каков бы он не был по социальному статусу по отношению к говорящему, такая демонстрация превосходства «является унижительной и вызывает его соответствующую явную или скрытую реакцию протеста». Поэтому отношение говорящего к партнеру по общению, выраженное как вербальными, так и невербальными

средствами, является для реципиента информацией особо важного значения (см.: [4, с. 34; 5, с. 52]).

На этом основании социально-событийный критерий речевого взаимодействия может быть положен в типологическое основание актов аффицированной (агрессивной) коммуникации, где в качестве эксплицитного показателя конкретного типа агрессивного дискурсивного воздействия выступает суггестивная направленность вербальных действий на реализацию целевой программы воздействия (см. подробнее: [7]). В этой связи важно учесть, что целевая программа воздействия в вербальной агрессивной интеракции, направленной на деструктивный исход, может охватывать как уровень вербального, так и уровень невербального воздействия.

Поэтому суггестивная направленность аффицированных (т. е. и чисто аффективных, и затронутых аффектом) вербальных действий на какой-либо адресат как функциональный инструмент арсенала языковых средств и приемов, изменяющих установку личности (установку на излечение, на улучшение самочувствия, на изменение сложившихся отношений как в положении дел, так и между людьми и т. п.) и целостную установку личности (мировоззрение, веру, долг, обязанности, контроль, оценку и т. п.), может рассматриваться в качестве отправной точки в разбиении (построении типологии) эмотивного (аффицированного) интерактивного пространства, представленного на основе выделенных речеактовых (главным образом, глагольных) маркеров, репрезентирующих множество коммуникативных актов деструктивной направленности или вербальной агрессии.

В первую очередь такое пространство делится на *вербальные конфликтные акты* и *вербальные бесконфликтные акты* или *вербальные конструктивные акты*, в которых осуществляются подобно выделенным актам изменения установок личности. Здесь уместно заметить, что изменения установок личности могут происходить не только у адресата как объекта воздействия, но и у самого инициативного агента (агрессора, инвектора), который может переходить (или менять) в другую типовую фреймовую конфигурацию агрессивного взаимодействия. И хотя данный случай учитывается, однако подробно в настоящей работе не рассматривается.

Взаимодействия между коммуникативными конфликтными актами деструктивной направленности удобнее представить в виде некоторого дерева зависимостей, в котором отношения между бинарными оппозициями можно проследить как сверху вниз, так и снизу вверх без какого-либо существенного изменения таких отношений. Дерево зависимостей конфликтных коммуникативных

актов деструктивной направленности может быть представлено в следующем виде (рис. 1).

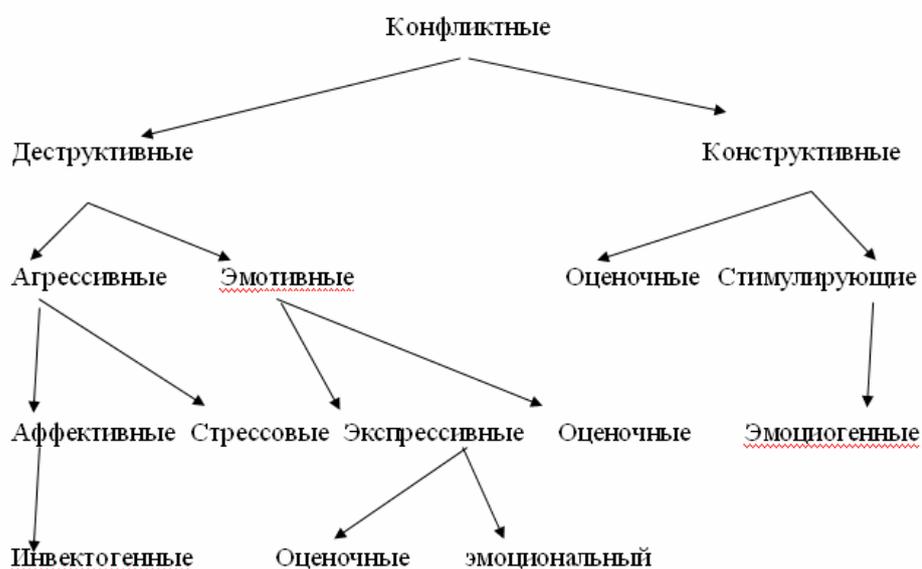

Рис. 1

Как представлено на схеме, узловые или вершинные коммуникативные акты деструктивной направленности подлежат в представленной типологии также разбиению на отдельные (конкретные) представители соответствующего типового узла (слота). Например, если опускаться вниз по узловой линии, то вербальные конфликтные акты подлежат разбиению на деструктивные, а направление по противоположной линии приведет к разбиению на конструктивные конфликтные акты.

Функционально-содержательную (прагматическую) специфику суггестивной направленности **конструктивных аффицированных** действий можно свести к схематическому представлению, по К. Бремону [1, с. 116–125] коммуникативного взаимодействия между субъектом (как агентом) конфликтного конструктивного аффицированного действия и адресатом такого действия, в котором (взаимодействии) осуществляется этапная реализация совместного (с обоюдной заинтересованностью) устранения существующих (в том числе и субъективно-объективных) препятствий с целью эффективного (результативного) их преодоления и улучшения ситуации, которая обусловила (каузировала) применение **конструктивных аффицированных действий** (рис. 2).

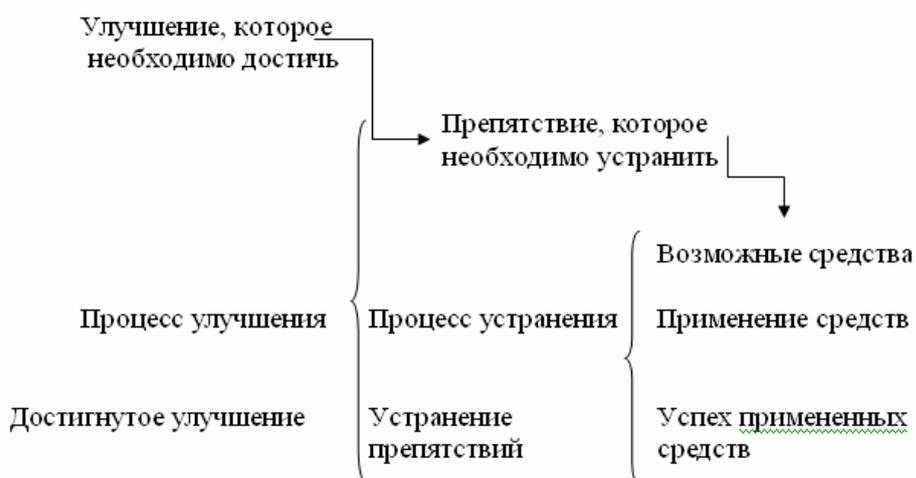

Рис. 2

Очевидно, что несмотря на применение *конструктивных аффицированных действий* бенефициарием (агентом, субъектом, т. е. лицом, которое в конечном итоге испытывает на себе улучшение от их использования) в данной типовой интеракции, в итоге инициатор (агент или субъект) и адресат (как объект воздействия) совместно переживают в положительном плане ситуацию улучшения положения дел, сложившегося до момента использования агентом таких вербальных действий. Например: Что же это ты, *молодчик (сукин сын, разбойник, недотепа, неумеха)*, опять столько брака допустил? К пяти часам всё устранить! – *Ладно, к пяти часам всё устранию.*

В этом плане узловое разбиение *конструктивных аффицированных актов* приводит к делению их на *оценочные и стимулирующие*. К числу типовых *оценочных аффицированных актов* относятся конфликтные коммуникативные акты *стыда* (в значении «стыдить», «пристыдить»), *неодобрения, осуждения, оценки* (как личности, так и форм ее поведения), *сожаления, сравнения* и др., в которых адресат не рассматривается как соперник, которого необходимо «устранить» с поля профессионального и коммуникативного взаимодействия. В этом плане говорящий только фиксирует неудачное, на его взгляд, положение дел, к которому причастен адресат и за которое несет также ответственность сам инициатор оценочной дискурсивной практики.

К разряду типовых *стимулирующих аффицированных актов* относятся типовые конфликтные коммуникативные акты *критики, разбора* (разбирательства), *осуждения, признания вины, пародии,*

шутки, потешки (потешаться без злобы, обиды и вреда), *остроты, порицания, оппонирования, замечания, нагоняев*, а также *выговоров* и др. В этом случае указанные дискурсивные практики фиксируют негативное положение дел, которое является определенной ступенью (отправной точкой) для дальнейших совместных согласованных действий по устранению имеющегося негативного эффекта. Кстати сказать, осознание такой негативной фактуальности и сопричастности к ней адресата служит для него объективным фактором критической оценки своей деятельности, которая (оценка) воспринимается как «справедливая», «объективная», «заслуженная» и не вызывает резкого протеста в виде ответной агрессивной реакции.

Примечательной особенностью функционирования данных коммуникативных актов можно считать их истинностное значение для говорящего и адресата, потому что использование как *оценочных*, так и *стимулирующих аффицированных актов* основано на возможной пресуппозиционной базе фактуальной природы таких актов. В частности, коммуникативные акты *осуждения, критики, признания вины, шутки, порицания, оппонирования, замечания, выговора* воспринимаются адресатом как акты, использование которых мотивировано фактуальным (или возможно фактуальным) наличием объективной причины для их исполнения в профессиональной конверсации. Более того, использование этих актов в сфере профессиональных отношений может с достаточной определенностью эксплицитировать уровень социальных отношений между собеседниками. Так, в частности, *порицать, делать замечания и делать выговор* может говорящий (инициатор), чей социальный (или профессиональный) статус выше, чем у адресата. В то же время *признавать вину, реагировать на критику и замечания* может адресат, чей социальный (профессиональный) статус ниже.

В свою очередь, *деструктивные аффицированные акты* могут подразделяться в функционально-семантическом плане (т. е. исходя из семантической характеристики концептуального пространства типовых «деструктивных эмотивов») на *агрессивные* и *эмотивные* коммуникативные акты.

Примечательно, что прагматическое (целевое, «инструментальное») предназначение деструктивных – как агрессивных, так и эмотивных – коммуникативных актов также можно свести к схематическому представлению поэтапного коммуникативного взаимодействия между субъектом (как агентом) конфликтного деструктивного аффицированного действия и адресатом как объектом такого воздействия по указанной выше модели, в котором (взаимодействии) осуществляется этапная (пошаговая) реализация устранения собеседника (адресата воздействия) посредством нанесения

вреда (зла, ущерба как морального, так и физического) с целью ухудшения ситуации (сложившегося или складывающегося положения дел) для адресата, чтобы сделать его неспособным чинить или продолжать в дальнейшем чинить препятствия инициативным начинаниям (замыслам, установкам) субъекта или агента (агрессора, инвектора) и пресечь (не допустить) противодействий со стороны адресата. При этом складывающееся положение дел в ситуации деструктивного взаимодействия как результата такого каузирования, такого применения *агрессивных и эмотивных аффицированных действий* должно быть «ощутимым» («значимым») для адресата как в эмоциональном, так и в физиологическом плане, чтобы говорящий как инициатор мог хотя бы на определенное время нейтрализовать, приостановить (пусть и потенциальную) активность в противодействии своим намерениям со стороны адресата и даже заблокировать у него возможность (отбить охоту, желание) в совершении таких ответных действий. Например: *Иди, баран, и поучись, как нужно работать на клавиатуре*. Или: *Прежде чем хайло раззевать, не мешало бы изучить элементарные правила эксплуатации агрегата!* Также: *Пока не сможешь клеммы соединять как нормальный человек, к аппарату не подходи!*

Узловое разбиение *агрессивных аффицированных коммуникативных актов* подразделяется на *аффективные* и *стрессовые коммуникативные акты*. Локальный вершинный слот *аффективных коммуникативных актов*, в свою очередь, разбивается на узловые *инвектогенные коммуникативные акты*, к числу которых относятся коммуникативные акты *ругани, брани, унижения, уничижения, злословия, принуждения, изливания злобы (срывания злости), хулы, хамства, мата, сквернословия, наговора, очернения, обзывания, проклятия, кривосуда* и др. В свою очередь, слот *стрессовых коммуникативных актов* охватывает следующие коммуникативные акты: *говорить дерзости, издевка, глумление, осмеивание, нападки, оскорбления, подстрекательства, уколы, придирки, презрение, срам* и др.

Поэтапное коммуникативное взаимодействие между собеседниками в семантическом пространстве *деструктивных агрессивных и эмотивных коммуникативных актов* схематично может быть также представлено в виде модели следующим образом (рис. 3).

Рис. 3

На схеме представлен интерактивный процесс аффицированного деструктивного взаимодействия участников коммуникации, в котором обозначена попытка находящегося под агрессивным вербальным воздействием адресата избежать ситуации нанесения вреда. Такая ситуация схожа с интерактивным обвинением ягненка волком в известной басне И.А. Крылова: *«Как смеешь, ты наглец, своим нечистым рылом здесь чистое мутить питье моё с песком и с илом? ... Досуг мне разбирать вины твои, щенок...»*, когда неудача в защите (ср. оправдания и доводы ягненка) заканчивается устранением противника и нанесением непоправимого вреда.

Заслуживает особого внимания взаимодействие участников профессиональной интеракции в ситуации, когда реализуются наиболее «грязные» вербальные проявления узла инвектогенных коммуникативных актов, а именно актов *откровенной брани, оскорбления, отборного мата, унижения, уничтожения, обзывания* и т. п.

Основным отличительным признаком прагматического использования таких инвектогенных коммуникативных актов можно считать специфическое поведение говорящего как инициатора инвективного воздействия (инвектора, агрессора), которое базируется на внезапном и необоснованном использовании указанных актов

вербальной агрессии, чтобы стремительно, без подготовки и анализа буквально *ошеломить* своего собеседника, *смять* его, *подавить* волю, желание, настрой и *выбить* из продуктивного профессионального ритма своей деятельности. Причем, такая вербальная инвективная тактика агрессора, как правило, маскируется под какую-нибудь объективную причину (см. символ x_1 на схеме), которая может скрываться (симулироваться) под видом эмотивного нейтрального или даже обычного вербального (возможно, и авербального) симулякра, незначимого для данного момента действия или оценки (на схеме это представлено в виде символа y). Таким образом, происходит словно бы невинный (замаскированный) обман, подмена истинных намерений агрессора и лишь затем происходит экспликация инвектогенной дискурсивной практики, ошеломляющее, подавляющее воздействие которой увеличивается ввиду неподготовленности адресата. Такая схема-модель инвективного взаимодействия представлена на рис. 4:

Рис. 4

Возможны случаи, когда интерактивный обмен инвективными дискурсивными практиками по каким-либо объективным причинам (ввиду явной публичности, например, или слишком громких, тяжелых или значимых, «ощутимых» последствий для агрессора) не может быть реализован эксплицитно.

В этой ситуации агрессивный инициатор прибегает к тактическому использованию дискурсивных практик обмана, чтобы заманить своего адресата-жертву в ловушку, в которой он совершит ошибку и тем самым поможет агрессору нанести себе ощутимый ущерб. Схематично такая ситуация может быть представлена в следующем виде (рис. 5).

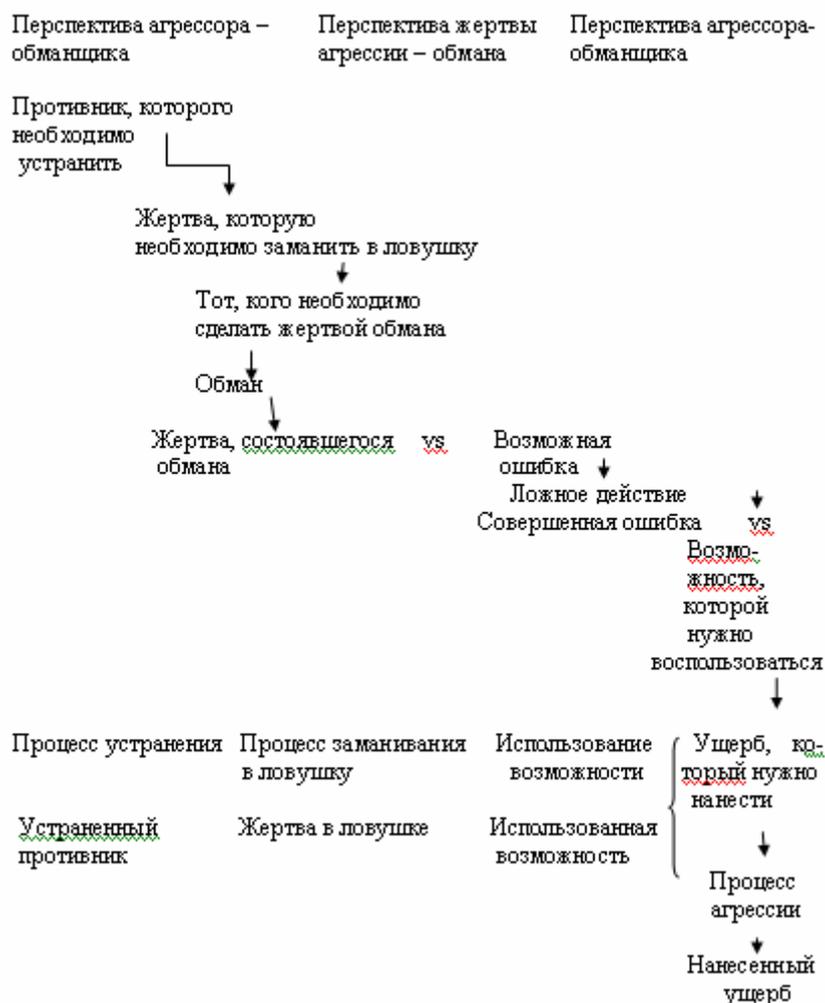

Рис. 5

Итак, отмеченные в профессиональной сфере акты конфликтных ситуаций вербальной интеракции подразделяются с точки зрения социально событийного взаимодействия, направленного на реализацию целевой программы агрессивного суггестивного воздействия, на два основных класса: класс *деструктивных* (деструктивов) и класс *конструктивных* (конструктивов) вербальных *интеракций*. В свою

очередь, эти классы подразделяются на определенные подклассы, которые также членятся на субклассы и конкретные их составляющие. Последние представляют собой вербальные агрессивные коммуникативные акты, подразделяющиеся на **аффективные** и **стрессовые коммуникативные акты** с последующим разбиением **аффективных коммуникативных актов** на узловой слот **инвектогенных коммуникативных актов**, в число которых входят коммуникативные акты *ругани, брани, унижения, уничижения, злословия, принуждения, изливания злобы (срывание злости), хулы, хамства, мата, сквернословия, наговора, очернения, обзывания, проклятия, кривосуда* и др. В свою очередь, слот **стрессовых коммуникативных актов** охватывает такие коммуникативные акты, как *выражение дерзости (говорить дерзости), издевки, глумления, осмеивание, нападки, оскорбления, подстрекательства, уколы, придирки, презрение, срам* и др.), в основе которых лежат определенные вербальные действия (аффицированные дискурсивные практики) различного характера и направления.

Взаимодействие участников профессиональной коммуникации по реализации конфликтных агрессивных практик может быть представлено в виде трех базовых схем (моделей):

а) модели конструктивного конфликтного взаимодействия, когда инициатор (агент, инвектор) и адресат стремятся посредством аффицированного (затронутого аффектом) общения улучшить в интересах каждого сложившуюся (или складывающуюся в момент взаимодействия) ситуацию, в которой устраняются существующие (в том числе и субъективно-объективные) препятствия с целью эффективного (результативного) их преодоления;

б) модели деструктивного агрессивного воздействия, когда в интерактивном процессе аффицированного деструктивного воздействия представлена попытка находящегося под агрессивным вербальным воздействием адресата избежать ситуации нанесения ему вреда и воспрепятствовать его устранению как противника замыслов инициатора;

в) модели деструктивного инвектогенного воздействия, когда в ситуации производственного общения реализуются наиболее «грязные» вербальные практики актов *откровенной брани, оскорбления, отборного мата, унижения, уничижения, обзывания* с целью полного устранения собеседника (адресата) из продуктивной сферы производственного цикла; особенностью реализации такой агрессивной инвективной тактики агентом является маскировка агрессивных действий под видом нейтрального или даже обычного вербального или авербального симулякра, незначимого для данного момента эмотивного действия или оценки. Разновидностью этой модели можно считать

ситуацию деструктивного инвектогенного воздействия, когда интерактивный обмен агрессивными дискурсивными практиками не может быть реализован эксплицитно по каким-либо объективным причинам (например, ввиду явной публичности и откровенной провокационности со стороны агрессора или ввиду слишком громких, тяжких и значимых последствий для него).

В основе каждой из предложенных схем деструктивного агрессивного взаимодействия лежит инвариантная модель вербального акта эмотивного аффицированного воздействия.

Список литературы

1. Бремон К. Логика повествовательных возможностей // Семиотика и искусствоведение. М.: Прогресс, 1972. С. 108–135.
2. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Л.: Прибой, 1930. 157 с.
3. Меськов В.С., Мамченко А.А. Цикл трансформации когнитивного субъекта. Субъект, среда, контент // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 67–80.
4. Морозов В.П. Искусство и наука общения: Невербальная коммуникация. М.: ИП РАН, 1998. 128 с.
5. Морозов В.П. Психологический портрет человека по невербальным особенностям его речи // Психол. журн. 2001. № 6. С. 48–63.
6. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: ИЯ АН СССР, 1988. 183 с.
7. Романов А.А., Воеводкин Н.Ю., Романова Л.А. Дискурс как иерархия целевых программ изменения суггестором личностных установок реципиентов: (опыт психотерапевтической коммуникации) // Динамический дискурс в познавательном и педагогическом процессах. Липецк: ЛГПИ, 1999. С. 39–49.

THE TYPOLOGY OF VERBAL AGGRESSION ACTS IN PROFESSIONAL COMMUNICATION

A.A. Romanov, A.P. Kostjaev

Tver State University, Tver

The type cooperation of the professional communication's members in destructive aggressive practice's realization is present in the work. Three basic models of conflict cooperation are assigned: the constructive conflict cooperation's model, the destructive aggressive influence's model and the destructive invectively gene influence's model.

Keywords: *affect, affective action, verbal aggression, verbal conflict, destructive speech act, invective, validity, intendment, semantics, emotion, emotive.*

Об авторах:

РОМАНОВ Алексей Аркадьевич, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и классического языкознания ГОУ ВПО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул.Желябова, 33), e-mail: abtgsha@dep.tver.ru

КОСТЯЕВ Алексей Петрович, кандидат филологических наук, докторант, доцент кафедры теории языка и межкультурных коммуникаций ГОУ ВПО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул.Желябова, 33), e-mail: abtgsha@dep.tver.ru